

ВЕРНОСТЬ ПРИСЯГЕ

*Бондарев Геннадий Михайлович,
родился 05.08.1953,
умер 12.05.2011 в Туле.*

— Михалыч!

Так к нему уважительно-дружески обращаются сослуживцы, которых у него за тридцать лет службы в Армии (в Советской Армии, в Российской Армии) великое множество. Сослуживцы, с которыми он прошел (два раза по два года) Афганскую войну. Хотя официально войны и не было, и законов военного времени не существовало.

— Только однажды (!) за все мои четыре года пребывания за Речкой,— вспоминает гвардии полковник запаса Бондарев Геннадий Михайлович,— офицер отказался идти в бой. Его не судили, его отправили в Союз, его уволили. По-тихому. Не тронь дерьмо...

Резко. Грубо. Прямолинейно. Не кривя душой. Да...

Он всегда такой: и в Киевском военном училище; и в Академии имени Фрунзе; и на должности командира 51 Тульского гвардейского парашютно-десантного полка; и будучи Военным комиссаром Советского района Тулы. За правду, за своих подчиненных он всегда был готов (почему — был? Он и сейчас не изменился!) идти до последнего, идти, не оглядываясь, с открытым забралом в штыковую атаку.

Он чем-то похож на Суворова: конституцией тела; взрывным характером; неуживчивостью за свою прямоту с начальством; бескомпромиссностью своих взглядов и суждений. Я с ним вместе служил и знаю о нем не понаслышке.

— Твой первый бой? — Задаю ему вопрос.

— Бригада, где я служил, сопровождала колонны с грузом по маршруту Кушка—Кандагар. Однажды, возвращаясь на место дислокации после проводки колонны, группа, которую я возглавлял, нарвалась на засаду. «Духи» с 60—70 метров расстреливали нас в упор. Командир роты, вопреки всем наставлениям, вопреки здравому смыслу, приказал личному составу спешиться с боевых машин и повел их в наступление на позиции противника. Как старший группы, я хотел отдать приказ: «Отставить!», но в последний момент понял, что во время боя, во время атакующего порыва моя команда была, как бы помягче сказать, не только ненужной, но и вредной. «Духи» от такой нашей наглости на мгновенье опешили, прекратив огонь. И этого мно-

время хватало, чтобы без потерь с нашей стороны решить исход боя, полностью разгромив противника.

— Красное Знамя? В Великую Отечественную войну этот орден очень высоко ценился среди красноармейцев — даже выше ордена Ленина.

— Опять группа, которую я возглавлял, возвращалась после проводки колонны. И опять на нас была устроена засада. Но я знал, что в этом районе, в ближайших двух кишлаках не должно быть много душманов. Спешившись с брони, мы — двадцать восемь человек вместе со мной — вступили в бой и стали теснить противника в сторону ближайшего кишлака по зеленке. Противник, отстреливаясь, стал медленно отходить по этой самой зеленке. Мы продолжали преследование. И вдруг меня как током поразило — эти «духи» затягивают нас в мешок. И «духов» не десяток-второй, а более двух сотен. Откуда их столько взялось стало ясно только после боя (отсутствовала информационная поддержка) — у мусульман принято встречать Новый год всей семьей: был конец марта, то ли 21, то ли 22 число и в кишлаки в свои дома к своим семьям собрались все воюющие с нами боевики. Паники не было, хотя как прорываться назад к оставленной броне было совсем-совсем не понятно. Ставлю одному командиру взвода задачу, чтобы он с солдатом попытался найти проход в этом шквале огня. И они нашли: по старому руслу арыка группа стала по-пластунски приближаться к оставленной бронетехнике, заняла круговую оборону. И тут, на наше счастье, показались два вертолета. Не наши вертолеты, то есть наши-то наши, но не нашей бригады. Молодцы летчики — сразу сориентировались в обстановке и за три захода, расстреляв весь боекомплект, намного облегчили наше положение. В этот момент разрывной пулей ранило в ягодицу лейтенанта, нашедшего сухой арык — нашу дорогу жизни. Кровь била фонтаном. Я потом спрашивал докторов — спасти его можно было только на операционном столе. Вечная ему память. Но отвлекся. Посылаю к бронетехнике командира гранатометного взвода, чтобы по радиации запросил командира бригады о помощи, чтобы прислал нам на помощь батальон и вертолеты. Вертолеты прилетели и снайперски — до «духов» от нас было 40—45 метров — ударили по противнику. А батальона обещанного все нет и нет. Надвигаются сумерки. Тогда принимаю решение: двадцатью человеками открыть шквальный огонь, не обязательно — прицельный и прорываться во весь рост к бронетехнике. Шесть человек, также шквальным неприцельным огнем, прикрывают прорыв. Так мы и прорвались. Затем мы прикрывали оставшихся шестерых бойцов. Вынесли тела двух погибших — погиб еще один солдат во время прорыва; но «духов» положили в этом бою больше полусотни. Все валились от усталости, радостно обнимаясь с механиками, оставшимися у машин; воды — ни капли. Тут ко мне подходит один сержант, огромный сибиряк и говорит: «Командир, давай проучим этих «духов» — они сейчас не ждут нашей атаки: давай долбанем по ним штыковой!». Я чуть не прослезился, но сил у нас не было для подобной дерзкой наглости.

— А батальон, посланный на помощь, где оказался?

— Банально заблудился. Ты не пиши об этом.— Но как не писать? На войне не все — герои.— Командир батальона был в стельку пьяным — поэтому и заблудился. Наша группа на «подмогу» сама вышла.

— Михалыч, что-то ты говорил о кознях против тебя?

— Попросил меня как-то начальник строевой части принести ему с боевых часы «Сейко». Но я сам никогда не мародерничал, хотя солдатам не запрещал брать трофеи на поле боя и никогда не отбирал у них. Так прямо и заявил этому строевику, на что он ответил мне: «Не видать тебе больше орденов». На очередном совещании офицеров командир бригады спрашивает его, послал ли тот на меня представление на вторую Красную Звезду. Он как-то отвертелся. Через неделю командир бригады повторяет вопрос и, не услышав вразумительного ответа, объявляет начальнику строе-

вой части строгий выговор с занесением и приказывает ему срочно отправить на меня представление на орден Красного Знамени.

— Каковы перепутья судьбы.

— Другой раз комбриг приказывает мне вечером (а мы только начали отмечать чей-то день рождения), чтобы я завтра с одной своей ротой и ротой из другого батальона вышел на боевое задание — прочесать «зеленку». Задание пустяковое. Тем более, разведка донесла, что большого скопления противника в данном районе не замечено. Но я заупряился, сказав, что пойду только со своими двумя ротами. Через полчаса споров, я все же убедил командира в своем решении, сославшись на шестое и седьмое чувство. Придя в свою штабную палатку, приказал своим подчиненным офицерам, под их негодующе-возмущенные стенания, перенести день рождения на завтрашний вечер, ибо с утра предстоит серьезный бой. На завтра подошли к «зеленке»: все тихо, все спокойно, никакого движения, никакого шевеления. А на душе тревожно, что-то сосет под ложечкой, муторно как-то. Отдаю приказ: одной роте развернуться в цепь справа, другой — слева, сам — с резервом в центре и всеми силами ударить по «зеленке». Не успели «духи» полностью оборудовать засаду, не успели: более шестидесяти их трупов потом насчитали, взяли много трофейного оружия, у нас — один легкораненый. Комбриг вечером сказал: «Тебе, Михалыч, пора в экстра-сенсы подаваться».

...В конце восьмидесятых в «верхах» страны обсуждался Проект Постановления «Об амнистии бывших военнослужащих Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане, совершивших преступления и оказавшихся в плену у афганской вооруженной оппозиции». Так вот, будучи командиром полка, Бондарев написал открытое письмо о резком несогласии с основными положениями Проекта Постановления дюжине депутатов Верховного Совета СССР (был, был такой высший законодательный орган когда-то Великой Державы) и в несколько центральных газет.

Под письмом 98 (девятисто восемь!) подписей тех, кто в огонь и в воду пойдет за своим командиром. И первая подпись его — гвардии полковника Геннадия Бондарева.

На это письмо, письмо — крик души офицеров и прапорщиков элиты Вооруженных Сил — не ответил ни один депутат, ни одна газета не напечатала кровью выстраданные строки.

— И сейчас вряд ли напечатают,— с грустью в глазах сомневается Геннадий Михайлович.

— Сколько было разговоров,— продолжает он,— о том, имели мы право воевать в Афганистане, или не имели. Имели! Мы принимали Присягу! Мы выполняли приказ Родины! Беда в том, что наше руководство, руководство страны, позволяет себе сомневаться в правильности принятия решений. И тогда, и сейчас. Дана команда: «Фас!» и будьте уверены мы, солдаты, ее всегда выполним! Не предавайте только нас, не отдавайте на растерзание и поругание Красную (Красную, Красную!!!) Армию, не дуйте в дуду западным приспешникам.

Он имеет право так говорить. И не потому, что на его груди пять орденов: Красного Знамени, Красной Звезды — два, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 2-й и 3-й степени, но и потому, что он — солдат, до мозга костей солдат и патриот своей Родины, гвардии полковник запаса Бондарев Геннадий Михайлович.

Михалыч!

В ТУЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ № 2

Мой друг — Учитель ОБЖ (да, да с большой буквы Учитель) Мишка Алехин (хорошо, хорошо — Михаил Алексеевич Алехин) очередной раз пригласил меня выступить перед учениками лицея. На этот раз выступить на мероприятии (фу, как

официозно; лучше — на Дне памяти), посвященному Геннадью Бондареву, афганцу, гвардии полковнику, нашему сослуживцу по 106-й гвардейской воздушно-десантной (в наше время еще — не «Тульской») Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии, нашему другу и товарищу.

О нем — Бондареве — написано много, в том числе и мной: в газете «Побратим» (15.02.2009), в газете «Молодой коммунар» (31.07.2009), в моем первом альбоме «Мои афганцы» (2009). Именно у него первого брал интервью для этого альбома и, именно, это интервью с незначительными дополнениями вошло в книгу «Афганцы Тулы» (2014), и именно это интервью полностью привожу выше.

Что еще о нем рассказать лицеистам?

...Картина Дейнеки «Оборона Севастополя».

Он там, в первых рядах с винтовкой в беспощадной штыковой атаке встает на пути фашистской нечисти...

...Картина Бубнова «Утро на Куликовом поле».

Через мгновенье закончится поединок Пересвета с Челубеем. Бондарев тоже там, впереди всех, с православным крестом на груди, с непокрытой головой, в лежонькой кольчуге-безрукавке с топором в правой и щитом в левой руке; сейчас он бросится на басурманскую погань, круша все на своем пути...

...Кинофильм «Офицеры».

Комэкс Варрава в исполнении Ланового — тоже Бондарев — впереди страшной в своем порыве конной лавы громит басмачей...

И для него слова «Есть такая профессия — Родину защищать!» — не просто слова; это, если хотите, — не только смысл, но стиль всей его жизни.

...С гвардии подполковником Бондаревым я познакомился в конце восьмидесятих годов прошлого века: он — только что назначенный командир 51-го гвардейского парашютно-десантного полка, я — эпидемиолог дивизии.

Мне часто приходилось бывать с различными проверками во всех частях дивизии, в том числе и в родном 51-м полку, где я начинал службу батальонным врачом. С первых минут нашего знакомства я был поражен тем, что ко всем: офицерам, прапорщикам, солдатам командир полка Бондарев обращался только на «Вы». При нашей второй-третьей встрече я ему говорю:

— Михалыч, ты же знаешь историю своей страны, знаешь, что славяне обращались друг другу только на «Ты». Это Великий Святослав говорил «Иду на вы!», собираясь под корень выжечь ненавистный русскому народу хазарский каганат.

— Доктор, с тобой — на «Ты», — он задумался, подбирая нужные слова. — С друзьями — на «вы»; военная этика не позволяет иначе.

...Апрель 1994 года. Гвардии полковник Бондарев — военком Советского района. Я — полгода, как в «запасе». Мой сын оканчивает школу, кстати, школу № 73, нынешний лицей № 2.

Захожу к нему в кабинет, естественно, с просьбой о сыне — «откосить», так сказать. Обнялись — радушие, улыбка на лице хозяина кабинета, радость от нашей встречи, я начинаю.

— Михалыч! Сыну оканчивает школу...

Он понял сразу. Неуловимо на его лице — явно выраженная брезгливость, отчужденность, чуть ли не враждебность. Стараясь не замечать такой метаморфозы, продолжаю, как ни в чем не бывало.

— В раннем детстве сыну поставили диагноз, исключаящий его службу в Армии. Как бы его, этот чертов, ни к чему не обязывающий диагноз, исправить в нужном ракурсе.

Опять радушие, опять улыбка от плеча до плеча. Вызвав, кого следует, отдает

распоряжение. Я в это время пытаюсь достать из «кошелька» десятилетней выдержки армянский «чай». Видя мои действия, Михалыч чуть не набрасывается на меня.

— Убери сейчас же. Чтобы в последний раз в моем кабинете, понимаешь.

В замешательстве запикиваю емкость в 0,5 литра обратно в «кошелек». А он? Вот, то-то и оно! Он открывает сейф и достает оттуда точно такую же емкость в 0,5 литра десятилетней выдержки армянского «чая». И две ириски достает. Пока мы ждали нужные документы, мы и умяли за обе щеки эти две ириски, запивая их армянским десятилетней выдержки «чаем».

Нет, если бы я попросил в тот раз об обратном, то есть, по настоящему «отко сить» сына от Армии, он бы мне не отказал. Но... но тогда бы... тогда бы Михалыч был бы со мной только на «Вы».

НАШ ДЕСАНТНЫЙ ИЛЬИЧ

*Иванов Владимир Ильич,
родился 19.04.1949.*

Собеседник моложе меня почти на полтора года. Но и сейчас, и годы, десятилетия назад, проходя службу вместе с ним в 51-м парашютно-десантном полку и в штабе 106-й воздушно-десантной дивизии, не только я, но и большинство сослуживцев обращались и обращаются к нему коротко. По отчеству.

— Ильич!

Такой он солидный и обстоятельный, высокий, стройный, с огромной внутренней силой и невероятным душевным обаянием, настоящий б о м б а р д и р времен Петра Первого, что просто по имени к нему обращаться как-то и не уместно; по имени-отчеству — вроде ровесники, в одном, считай звании. Под стать мужу и его жена, представившаяся мне с манерами аристократки-дворянки не в первом поколении:

— Людмила Ивановна!

Они знакомы с пятнадцати лет. Оба — Питерские. Поженились после пяти лет знакомства, на третьем курсе его обучения, в день рождения, тогда еще не Ильича, а просто — Володьки Иванова. И девятнадцатого апреля девятого года (Светлый христианский праздник! — какое невероятное совпадение) — подумать только! — сорокалетие их свадьбы.

— Ильич,— задаю ему первый вопрос,— почему именно — артиллерийское училище? В Питере много, как сейчас говорят, более крутых военных учебных заведений.

— Первая причина: училище в десяти минутах ходьбы от дома; вторая — друг на год раньше поступил в это училище...

— И пропиарил его Ильичу,— смеется жена.— Третья причина: маршрут его возвращения со свиданий опять же проходил мимо этого училища.

— И скрытая, и прямая реклама — налицо,— заканчивает ответ на мой первый вопрос гвардии подполковник запаса Владимир Ильич Иванов.

Тринадцать лет, после окончания училища, от лейтенанта — командира взвода до майора — начальника штаба гаубичного дивизиона, Иванов прослужил в 1182-м гвардейском артиллерийском полку в Ефремове, районном центре на юге Тульской области.

— Была, конечно, возможность сразу и лейтенантом остаться в Туле. Двое моих однокашников так и поступили — им предложили, как и мне, должность командира взвода СПГ (СПГ — станковый противотанковый гранатомет. *Примеч. автора.*). Но я отказался — несерьезно артиллеристу командовать такой малой «артиллерией».

— В Тулу мы все же попали,— добавляет Людмила Ивановна,— в восемьдесят третьем году, в 51-й полк.

— А через четыре года,— продолжает Ильич,— я улетел в Афганистан, в Баграм, в 345-й полк командиром гаубичного дивизиона.

— И первая твоя награда — орден Красной Звезды?

— Проходила крупная армейская операция. Вертолеты высаживают десант. С трех вершин десант обстреливают «духи». Командир десанты по радио просит поддержки артиллерии и называет координаты. Громов — я тогда с ним первый раз встретился — приказывает нанести артиллерийский удар. А я вижу по карте, что координаты, которые назвал командир десанта, соответствуют координатам самого десанта (летчики-то перед этим доложили о месте высадки десанта) и докладываю об этом командарму. На его вопрос о дальнейших действиях помощи десанту и, главное, чтобы не накрыть своих огнем артиллерии, принимаю простое решение. По координатам, которые дал командир десанта, произвожу один выстрел дымовым снарядом, который разорвался недалеко от командира десанта, а по радио прошу трассерами из ДШК показать направление на господствующие высоты, где засели «духи». Остальное — дело техники.

Как у него все просто получается: «дело техники». Хотя, он же учился всему этому: законам математики, законам физики, законам баллистики, законам чего там еще, что нужно для меткой стрельбы «богам войны»?

— Орден Красного Знамени тоже — за стрельбу? За отличную стрельбу?

— За что еще? И таких орденов у меня — два: один — наш, второй — афганский. Помнишь про девятую роту? Проводилась масштабная операция «Магистраль». В районе Хоста одному батальону ночью срочно надо было спускаться с гор. «Грачи» вешают осветительные люстры — не в том месте. Вешают повторно — опять не в том месте. «Духи» насаждают на наших, а наши не видят, куда надо спускаться. Запрашиваю координаты батальона и делаю выстрел осветительным снарядом, который разорвался точно над целью и осветил местность там, где было нужно. Потом и «Грачи» стали вешать свои люстры там же. И еще случай в окрестностях Хоста. На пути наших войск в одном кишлаке засели басмачи, но авиация никак не могла точно накрыть противника: ориентиров нет — сплошная зеленка. Тогда двумя дымовыми снарядами показываю края кишлака.

— Остальное — дело техники,— мы оба смеемся.

— Из Афганистана мы с командиром полка Героем Советского Союза Востротиным (кстати, на Героя его представляли три раза) выходили последними 11 февраля — наш 345-й полк прикрывал перевал Саланг, обеспечивая выход остальных войск.

— А знаменитые кадры перехода границы по мосту через Речку 15-го февраля?

— Парад, он и есть — парад.— Лаконично комментирует он.

— Ильич,— допекаю его вопросами,— у тебя же и еще есть орден: «За личное мужество»?

— Орден мне вручили, когда я был начальником разведки артиллерии дивизии,— он тяжело вздыхает,— за участие в наведении «конституционного порядка» на Северном Кавказе в девяносто втором — девяносто третьем годах.— Он опять тяжело вздыхает.— Тогда в Южной Осетии погибли два полковника. Ты должен помнить.

— Конечно: твой непосредственный начальник полковник Фролов — начальник артиллерии дивизии и полковник Алексеенко из штаба ВДВ. Поподробнее расскажи об их гибели.

— Не знаю: то ли боевого опыта у них не хватало, то ли не ожидали они столь решительных действий от мятежников. Находясь на своем КП и видя выдвигающиеся «Грады» противника на огневую позицию, они не смогли принять правильного решения, дать команду вертолетчикам, которые только этого и ждали, барражируя над ними. В результате залп «Градов» и... И результат ты сам знаешь какой. Хотя, это сейчас, за рюмкой чая, можно обо всем спокойно рассуждать и анализировать. В боевой обстановке, сам об этом не понаслышке прекрасно знаю, отсчет идет на мгновения плюс ответственность за жизнь подчиненных давит неимоверным грузом.

Мы помолчали минуту. Стоя — третий тост. И крайние слова Ильича.

— Что меня больше всего поразило и там, в Афгане, и на Кавказе — восемнадцатилетние пацаны, а как они переживали за страну, за предательство наших, так сказать, «верхов». И нынешнее поколение восемнадцатилетних не все испорчено. Будет, будет и на нашей улице...

— Будет, Ильич, будет, кто бы сомневался.

ТУЛЯК В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Скачков Александр Ильич,
родился 23.07.1950 в поселке Птань
Куркинского района Тульской области.*

В 1971 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского Комсомола.

В 1971—1980 годах — командир взвода, командир батареи, командир роты, заместитель командира батальона, командир батальона 234-го гвардейского парашютно-десантного Черноморского ордена Кутузова 3-й степени полка (18.04.1996 года полку присвоено почетное наименование «Святого благоверного Александра Невского») 76-й гвардейской воздушной Черниговской Краснознаменной дивизии (Псков).

В 1980—1983 годах — слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе.

В 1983—1986 годах — заместитель командира 337-го парашютно-десантного ордена Александра Невского полка, начальник оперативного отделения 104-й гвардейской воздушно-десантной ордена Кутузова 2-й степени дивизии; в 1986—1988 годах — командир 328-го гвардейского парашютно-десантного полка (Кировабад).

С 20.04.1988 по 06.02.1989 — командир 317-го гвардейского парашютно-десантного ордена Александра Невского полка 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Кабул, Афганистан).

В 1989—1991 годах — командир 317-го гвардейского парашютно-десантного ордена Александра Невского полка, в 1991—1994 годах — заместитель с 1994 года — командир 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Витебск).

В 1995—1997 годах — начальник штаба Мобильных Сил Республики Беларусь. В 1997 году назначен командиром Мобильных Сил Республики Беларусь.

Генерал-майор. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями.

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

17 мая 2000 г. № 265

О ПРИСВОЕНИИ А. И. СКАЧКОВУ ВОИНСКОГО ЗВАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА

Присвоить полковнику Скачкову Александру Ильичу очередное воинское звание генерал-майора.

Президент Республики Беларусь

А. ЛУКАШЕНКО

